

Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина «t»

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. В статье в рамках исследования, посвященного «буддийскому тексту» современной русской литературы, анализируются буддийские коннотации образа Л. Н. Толстого в романе Виктора Пелевина «t». Духовный поиск главного героя сопряжен с буддийскими интенциями художественного творчества и философской публицистики Льва Толстого. Писатель обращается к философии Махаяны, обосновывающей, в частности, идею об отсутствии постоянного отдельного «я» и идею об иллюзорности реальности.

Ключевые слова: В. О. Пелевин, Л. Н. Толстой, буддийские концепции, структура сознания, иллюзорность «я», множественность реальности, мир как текст, мир как театр, деконструкция мифа

Для цитирования: Дубаков Л. В. Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина «t» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 127–132.

Original article

Buddhist Aspects of Leo Tolstoy's Image and Ideas of Mahayana Philosophy in Victor Pelevin's novel «t»

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University, People's Republic of China
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The article analyzes the Buddhist connotations of the image of Leo Tolstoy in Victor Pelevin's novel "t" in the framework of a study devoted to the "Buddhist text" of modern Russian literature. It is established that when plotting the spiritual search of the protagonist, the writer, referring to the Buddhist intentions of artistic creativity and philosophical journalism of the real Leo Tolstoy, refers, among other things, to the ideas of Mahayana philosophy. Among them, one can, in particular, note the idea of the absence of a permanent separate "I" and the idea of the illusory reality.

Keywords: V. Pelevin, L. Tolstoy, Buddhist concepts, structure of consciousness, illusory «I», imaginary reality, the world as a text, the world as a theater, deconstruction of myth

For citation: Dubakov, L. V. (2024). Buddhist aspects of Leo Tolstoy's image and ideas of Mahayana philosophy in Victor Pelevin's novel «t». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1 (882), 127–132.

ВВЕДЕНИЕ

Лев Толстой – великий русский писатель и религиозный философ. Среди многих разных интересов в сфере духовного поиска можно отметить и его внимание к буддизму. Известно, что он начинал работать над биографией Будды Шакьямуни, что некоторые его рассказы проникнуты буддийскими мотивами (например, «Карма», «Это ты»), что отдельные положения его учения схожи с буддийскими философскими и этическими установками [Гречин, 2016; Серебряный, 2016; Уланов, 2010].

Русская литература отсчитывает осмысление образа Толстого как возможного буддийского мыслителя начиная с книги И. А. Бунина «Освобождение Толстого» (1937). В современной литературе к образу Толстого-буддиста или «буддиста» (в зависимости от конкретной оценки) обращаются А. Л. Иванченко (книга «Освобождение Толстого: буддийские мотивы в жизни и творчестве Л. Н. Толстого» (2005) [Дубаков, 2023] и ряд авторов эссе в цикле «Номо Mysticus». Сутры солнечного удара» (2010-е гг.), В. С. Березин (роман «Путевые знаки» (2010)) и Виктор Пелевин (роман «t» (2009)).

Образ и творчество Льва Толстого не раз оказывались предметом художественного освоения в прозе Пелевина. Одно из первых появлений Толстого у этого писателя – комический эпизод в романе «Чапаев и Пустота», в котором Л. Н. Толстой на коньках в черном трико пересекает замерзший Стикс, а за ним гонится и не может его догнать Кербер (В. Пелевин. *Чапаев и Пустота*). Там же Пётр Пустота с иронией спрашивает Чапаева, перешедшего на простонародную речь, не перечитывал ли он недавно Толстого и не решил ли опроститься (В. Пелевин. *Чапаев и Пустота*). Эти эпизоды позже окажутся востребованы в романе «t» и получают там свое развитие.

В представленной статье образ Льва Толстого анализируется в рамках исследования, посвященного «буддийскому тексту» современной русской литературы, генетически восходящему к концепции «петербургского текста», разработанной В. Н. Топоровым [Топоров, 1995] и перенесенной литературоведами из культурно-урбанистической сферы в сферу религиозную [Бекметов, 2019].

ТРАВΟΣЛАВИЕ КАК ТОЛСТОВСТВО И БУДДИЗМ

Некоторые исследователи считают, что Лев Толстой книги «t» – это, с одной стороны, граф Т., «проекция фигуры Льва Николаевича Толстого на

плоскость альтернативной русской истории» [Юзюфович, 2016; Кабанова, 2011]. С другой стороны, это отдельный, самостоятельный герой-искатель и мыслитель, находящийся в диалоге с традицией русской религиозной философии и философии Востока, в частности – философии буддийской [Кириллина, 2015].

Его имя Т. – это, по словам Ариэля Брахмана, вариант коммерческого хода: «Т. – это загадочно, сексуально и романтично»¹. Но в процессе развития действия имя «Т.» открывает в себе другие смыслы. Победоносцев (персонаж романа), рассказывая про секту *травославных* (аллюзия на толстовцев), говорит, что «Т» – это египетский крест, который символизирует Троицу и слово «ты». Ирония Победоносцева по поводу *травославия* – о несовместимости служения Господу и употребления конопля – позже сменяется иным истолкованием этого учения. По Соловьёву (также персонажу романа), Троица травославия – это триада «Автор, Ты и Читатель» (В. Пелевин. *t*). Сложная структура романа «t», в котором на статус автора претендует несколько фигур, получает мистико-религиозное, буддийское измерение: «...Между этими тремя понятиями есть разница. Но в действительности они указывают на одно и то же, и кроме него нет ничего вообще» (В. Пелевин. *t*). Автор, как и Читатель, как и «я» (обращенное в сторону читающего книгу посредством «ты»), иллюзорны и пустотны.

Трава (из каламбура *травославие*) актуализирует в «t» мотив внеконцептуальной жизни. В конце книги белая перчатка, в которой писал Т., измазана в травяном соке: знак того, что творчество исходит из природной, интуитивной сферы. Образ букашки, появляющийся вслед за отброшенной героем в траву перчаткой, рождает образ «зеленого человечка», который как будто молится солнцу: настоящая вера находится за пределами символьных оболочек и интеллектуальных интерпретаций. Букашка (= человек), несмотря на свою малость, вмещает в себя (порождает и прекращает) целый мир. Подлинную реальность невозможно описать словами («истинная реальность лишена каких-либо свойств и является как бы пределом для слов, и в этом пределе слово полагает конец слову» [Трактат о пробуждении веры в Махаяну, 2001, с. 50]) – на фоне ветра и травы, а также «тишины, наступившей, когда ветер стих» (В. Пелевин. *t*). Интересно, что глагол «стих», которым завершается роман, можно понять и как существительное. Таким образом, ветер словно становится произведением искусства – искусства, которое за границей слов.

¹В качестве иллюстрации цитируется роман В. О. Пелевина «t» (2009).

ОПТИНА ПУСТЫНЬ КАК ОБРАЗ И ЦЕЛЬ БУДДИЙСКОГО СПАСЕНИЯ

Также последняя страница романа намекает на достижение графом Т. Оптиной Пустыни, которую Пелевин чуть ранее интерпретирует в буддийском ключе: Оптина – от *optare* – *выбирать, желать*. «Пустынь» – «это пустота» (*В. Пелевин. т*). И хоть писатель вкладывает это истолкование в уста лошади, которая утрированно настаивает на своей версии, и тем самым иронически ослабляет ее, финал книги поддерживает эту интерпретацию. Солнце являет на крыльях букашки «радужную сетку расщепленного света» (*В. Пелевин. т*). Расщепленный свет здесь можно понять как «ясный свет», «излучаемый пустотной природой абсолютного тела Будды (Дхармакайя)», а «радужную сетку» – как «радужное тело», лучистую энергию, в которое переходит физическое тело <...> после достижения состояния Будды» [Торчинов, 2002а, с. 52]. При этом в романе говорится не просто об Оптиной Пустыни, а об «Оптинной Пустыни соловьев». Здесь Пелевин использует игру смыслов: с одной стороны, называя фамилию В. С. Соловьёва, с другой – используя образ соловья как символа свободы. В буддийской традиции схожий по смыслу образ – образ кукушки, которая указывает на освобождение сознания.

Важно также, что выходит граф Т. из Ясной Поляны. Этот топоним может быть истолкован подобно Оптиной Пустыни: Ясная Поляна – состояние, в котором пребывает сознание, не отделенное от ясного света Дхармакайи. Путешествие графа Т. таким образом оказывается путешествием ума (который изначально пробужден, но просто забыл об этом) – к самому себе [Трактат о пробуждении веры в Махаяну, 2001, с. 9]: «тьма, полная невидимого света <...> единственный образ Божий, действительно данный свыше, потому что каждый человек с младенчества носит его с собой» (*В. Пелевин. т*).

ИЛЛЮЗОРНЫЙ АВТОР В ИЛЛЮЗОРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В романе «т» несколько возможных авторов. Первый претендент на авторство – это Ариэль Брахман. По его собственному замечанию, его имя пишется так же, как у героя «Бури» У. Шекспира. У Пелевина этот персонаж соединяет в себе черты шекспировского воздушного духа Ариэля, способного к превращениям, и уродливого и находящего в рабстве и желающего властвовать Калибана. В финале «т» как бы спавший и проснувшийся в Ясной Поляне Толстой, по версии своих домашних, сам предстает в виде Ариэля, придуманного им персонажа,

с которым у него одно по значению имя – «Лев Божий» [Симкина, 2019, с. 140]. Отчасти Ариэль похож и на Ариэля из одноименного романа А. Р. Беляева: эзотерически-теософские знания, сверхспособность – общение с литературными героями, существование в грубой капиталистической реальности.

Ариэль – писатель, «один из работников <...> адской фабрики», который в команде с коллегами-маркетологами создает маскультный роман о графе Т. Ариэль шутит, что их «пять элементов» (*В. Пелевин. т*). Помимо сатиры Пелевина на некоторых российских писателей, что предполагает, например, В. Нестеров¹, это можно прочесть как намек на буддийские пять скандх, или групп привязанности, – от формы до сознания, что составляют конвенциональную личность человека [Торчинов, 2002б]. Соотнесение не безусловное, но возможное: Ариэль Брахман подобен виджняне, он производит отбор текста, созданного остальными, Гриша Овнюк подобно самскаре связан с действием, Митенька Бершадский как ведана отвечает за чувственное переживание, Гоша Пиворылов – рупа как самый грубый уровень, оставшийся безымянным пятый – это санджня, он отвечает за формирование концепций. В этих пяти литераторах можно увидеть и намек на пять уровней чувственного сознания, учение о которых было развито в буддизме: зрительное сознание, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное, – и к которым позже добавляется шестое сознание, или мановиджняна, сознание ума, разум [Торчинов, 2002а, с. 160].

Граф Т. огорчается, когда Ариэль открывает ему, что он всего лишь литературный персонаж и все его поступки – продукт творчества этих пяти (шести) литераторов. В ответ Брахман замечает, что так существует всякий человек: «душа – это сценическая площадка, на которой действуют двадцать два могущества, семь сефирот и три. <...> Каждый человек в любую секунду жизни создается временным балансом могуществ. Когда эти древние силы выходят на сцену и играют свои роли, человеку кажется, что его обуревают страсти, посещают озарения, мучают фобии, разбивает лень и так далее» (*В. Пелевин. т*). Перечисленные Ариэлем «силы» и характеристика их функций заставляют вспомнить о 51-м ментальном факторе, или психическом состоянии, в буддизме [Геше Джампа Тинлей, 2013], который связан с восприятием качеств объекта. Выделяют благотворные и неблаготворные ментальные факторы. Среди первых – вера, владение ментальным телом, мудрость и др. Среди последних – ненависть, беспокойство, лень и др.

¹Нестеров В. Я песню спел – она не прозвучала. Новый роман Виктора Пелевина «Т». URL: https://www.gazeta.ru/culture/2009/10/21/a_3275406.shtml

Таким образом, статус графа Т. оказывается призрачным: «Это как корабль, на котором борются друг с другом призрачные матросы» (В. Пелевин. *t*). Личности, согласно буддизму, нет, есть набор скандх: «Мы просто подворотня, сквозь которую движется хоровод страстей и состояний» (В. Пелевин. *t*). Можно вспомнить и первый диалог, состоявшийся между графом Т. и Ариэлем, где последний иронически переинтерпретирует буддийскую притчу из «Вопросов Милинды» о колеснице, ни одна из частей которой не может быть сама по себе названа колесницей, как и ни одна часть человека не может быть названа человеком [Вопросы Милинды, 1989]. Ощущение же постоянной личности есть «лишь эхо телесности» (В. Пелевин. *t*) и результат постоянного думания. Пелевин каламбурит по поводу знаменитой философской максимы Рене Декарта «*Cōgitō ergō sum*»: ему «...надо было говорить не “я думаю”, а думаю “я”» (В. Пелевин. *t*).

Призрачный онтологический статус не только у графа Т., но и у самого Ариэля: он «Раб обстоятельств, поставленный над другими рабами обстоятельств в качестве дополнительного порабощающего фактора...» (В. Пелевин. *t*). Кроме того, он «литературный призрак» (*ghost writer*) и по роду своих занятий. Мнимое существующее графа Т. создают мнимые сущности – «литературные призраки», и этот образ выступает в качестве метафоры существования человека вообще. Можно продолжить, что в этой связи реальный автор романа «*t*», то есть Виктор Пелевин, тоже не имеет подлинно реального статуса существования. Равно как и реальный читатель этой книги.

Граф Т. по ходу развития сюжета учится отслеживать, какая «скандха» или какое «психическое состояние» начинает главенствовать в нем, определять его поступки. В финале романа Соловьёв предупреждает его о том, что «шестой элемент» будет самым трудным соблазном для него. Граф Т. представляет себя Львом Толстым, а его домашние убеждают его в том, что это он настоящий автор, писатель, создавший своего героя, и не более того: «...меня <...> приглашают притвориться создателем мира <...> чтобы я не догадался, что я и так его создатель...» (В. Пелевин. *t*). Так, шестой автор (разум) создаёт свою, реалистическую историю. Но граф Т. совершает побег из этой интерпретации и из Алексеевского равелина. Уход-побег графа Т. связан с концепцией Соловьёва об Авторе, Ты и Читателе. Он предлагает обновленную версию Четырёх благородных истин буддизма, в основе которой лежит каламбур: Дума – дума: «1) Жизнь есть тревога. 2) В основе тревоги лежит дума. 3) Думу нельзя додумать, а можно только распустить. 4) Чтобы распустить думу, нужен император» (В. Пелевин. *t*).

Император здесь – «проявление активной ипостаси Читателя, если хотите – Автора», он «тот, кто замечает думу, распускает ее и исчезает вместе с ней» (В. Пелевин. *t*). Граф Т. в финале осознает себя как подлинного Автора своего существования и решает, где «будет последняя обзорная точка»¹ (В. Пелевин. *t*).

Иллюзорность реальности (а вышеупомянутых скандх, психических состояний, равно как и составляющих внешней реальности, в философии буддизма в абсолютном смысле не существует, как и личности) поддерживается в «*t*» мотивами театра, куклы, маски. Мир как театр проявляет себя в пейзаже: «Свод ровных перистых облаков казался крышей, превратившей пространство между землей и небом в огромный открытый павильон – прохладный летний театр, в котором играет все живое» (В. Пелевин. *t*); в обстановке помещений: шатер как «жилище кочевника – только не настоящее, а симулированное театральным декоратором» (В. Пелевин. *t*). Граф Т., сворачивающий реальность Ариэля Брахмана [Иванова, 2012, с. 79], словно видит «представление в крошечном кукольном театре» (В. Пелевин. *t*). Персонажи ведут себя как актеры: Кнопф похож на мима (В. Пелевин. *t*), священник Варсонофий рядится в еврея с бородавкой на носу. В образе куклы, подобия «деревянного Пьеро» (В. Пелевин. *t*) с обрезанными нитями, графу Т. является Ариэль Брахман. Позже он признается графу Т., что они оба куклы: «Я ведь просто кукла. Совсем как черный пацан, с которым я беседовал у цыган...» (В. Пелевин. *t*). На Ариэле маска с буквами «А-Ь» (В. Пелевин. *t*); позже он покажется графу Т. из портрета Павла I, его глаза «казались нарисованными на закрытых веках» (В. Пелевин. *t*). Писатель, о котором рассказывает Соловьёв, это, согласно его определению, «безумец в маске» (В. Пелевин. *t*).

«УМНОЕ НЕДЕЛАНИЕ» КАК ОТКАЗ ОТ КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩЕГО СОЗНАНИЯ

В. С. Симкина отмечает, что Пелевин «рассредоточивает в своих текстах основные конвенции восприятия духовного пути Л. Толстого, оформляющие соположенный мифотворческий комплекс» [Симкина, 2019, с. 138]. Так, например, в концепте «умное неделание» (в романе «*t*» так называется учение Соловьёва), что восходит к статье Л. Толстого «Неделание» (1893), соединяется: а) созерцательная пассивность У-вэй (недеяние), принятая в даосизме и обуславливающая принцип невмешательства; б) китайский военный канон «умное неделание»,

¹Здесь пелевинский каламбур: точка как знак препинания и точка как видимое расстояние и угол зрения. Интонационная функция точки заменяется у него на интерпретационную.

подразумевающий исключительно со-действие и со-бытийность; в) исихастская практика умного делания, направленная на уничтожение греховных помыслов посредством перманентного чтения молитвы; г) категория «неделание» К. Кастанеды, выступающая произвольным актом замены стереотипного поведения другим действием» [Симкина, 2019, с. 139]. Кроме перечисленного исследовательницей, можно отметить и неделание в буддийском понимании. В традиции Дзогчен «недеяние <...> имеет две стороны: недеяние как медитация (sgom pa, санскр. бхавана) и недеяние как “поведение” (spyod pa, чарья)», это «спонтанный, непреднамеренный способ действий, при котором не нужно избегать никаких ситуаций, например, считающихся негативными», «Такая медитация представляет собой глубокое постижение “естественного состояния” ума, которое обычно именуют ригпа» [Манджушримитра, 2016, с. 51]. Иными словами, умное неделание в «t» – это уход от порождающей иллюзии работы ума, от творения им мнимой реальности [Кириллина, 2014]: «соловьевцы чаще всего расстаются с тем, что вчера еще знали наверняка, не получая ничего взамен» (В. Пелевин. Т).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в романе «t» образ Льва Толстого содержит множественные буддийские коннотации. В частности, духовные поиски главного героя книги графа Т. могут быть осмыслены с точки зрения ряда концепций философии буддизма. В романе утверждается отсутствие постоянного отдельного «я» (человек как набор скандх; мотивы театра, куклы, маски) и иллюзорность реальности (смена пространственно-временных локусов, онтологический статус каждого из которых сомнителен [Симкина, 2019]). Концепция «умного неделания» графа Т восходит в том числе к буддийскому избавлению от порождающей иллюзии работы ума. В буддийском ключе в «t» осмысляется проблема творчества и авторства. Творчество рассматривается и как деятельность, что умножает страдательную сансарическую реальность, и как способ освобождения из сансары героя и его автора. Структура романа, в котором обнаруживается несколько возможных создателей текста, опрокидывается писателем, который выводит на первый план в качестве настоящего автора Абсолют.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гречин Б. С. Апология русского буддизма. Ярославль: Местная буддийская религиозная организация «Буддийская община “Сангье Чхо Линг”», 2016.
2. Серебряный С. Д. Лев Толстой и буддизм // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. №3. С. 10–24.
3. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
4. Дубаков Л. В. Два «Освобождения Толстого»: И. А. Бунин и А. Л. Иванченко о смерти и творчестве // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82, № 2. С. 86–91.
5. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.
6. Бекметов Р. Ф. Русская литература 1830-60-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2019.
7. Юзefович Г. Л. Удивительные приключения рыбы-лоцмана: 150 000 слов о литературе. М.: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016.
8. Кабанова И. В. Троица по Пелевину: автор-герой-читатель в романе «t» // Филологический класс. 2011. № 25. С. 15–20.
9. Кириллина О. М. Виктор Пелевин и Великий Лев: неизбежная встреча // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 3. С. 74–79.
10. Трактат о пробуждении веры в Махаяну / Философия китайского буддизма / пер. с кит. Е. А. Торчинова. СПб.: Азбука-классика, 2001.
11. Торчинов Е. А. Буддизм: Карманный словарь / Прилож. П. В. Берснева. СПб.: Амфора, 2002а.
12. Симкина В. С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевин // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: материалы XXIII Шешуковских чтений, Москва, 01–02 февраля 2018 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 138–144.
13. Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002b.
14. Геше Джампа Тинлей. Буддийская логика: Комментарий к трактату Дхармакирти «Праманаварттика» / Под ред. И. С. Урбанаевой (отв. ред.) и А. Ю. Коноваловой. Новосибирск: Издательство «Дже Цонкапа», 2013.
15. Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / пер. с пали, исслед. и коммент. А. В. Парибка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. (Памятники письменности Востока. LXXXVIII. Bibliotheca Buddhica. XXXVI).
16. Манджушримитра. Изначальный опыт / Перевод с английского: Фарида Маликова. СПб.: Уддияна, Шанг-Шунг, 2016.
17. Кириллина О. М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин // Художественное образование и наука. 2014. № 1. С. 105–110.

REFERENCES

1. Grechin, B. S. (2016). Apologiya russkogo buddizma = Apologia of Russian Buddhism. Yaroslavl: Local Buddhist religious organization "Buddhist community "Sangye Cho Ling"". (In Russ.)
2. Serebryany, S. D. (2016). Leo Tolstoy and Buddhism. *BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia*, no. 3, 10–24. (In Russ.)
3. Ulanov, M. S. (2010). Buddizm v sociokul'turnom prostranstve Rossii (social'no-filosofskij analiz) = Buddhism in the socio-cultural space of Russia (socio-philosophical analysis): PhD in Philosophy. Rostov-on-Don. (In Russ.)
4. Dubakov, L. V. (2023). Two «Liberations of Tolstoy»: I. A. Bunin and A. L. Ivanchenko on death and creativity. *News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, Vol. 82, no. 2, 86–91. (In Russ.)
5. Toporov, V. N. (1995). Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» = Petersburg and the "Petersburg text of Russian literature". In Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe = Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites*. Moscow: Publishing group "Progress" – "Culture", 259–367. (In Russ.)
6. Bekmetov, R. F. (2019). Russkaya literatura 1830–60-h godov v zerkale vostochnyh (buddijskih i daoskih) tradicij = Russian literature of the 1830s-60s in the mirror of Eastern (Buddhist and Taoist) traditions: PhD in Philology. Kazan. (In Russ.)
7. Yuzefovich, G. L. (2016). Udivitel'nye priklyucheniya ryby-locmana : 150 000 slov o literature = Amazing adventures of a pilot fish: 150,000 words about literature. Moscow: AST Publishing House: Edited by Elena Shubina. (In Russ.)
8. Kabanova, I. V. (2011). Troica po Pelevinu: avtor-geroj-chitateľ v romane «t» = Trinity according to Pelevin: author-hero-reader in the novel "t". *Philological class*, no. 25, 15–20. (In Russ.)
9. Kirillina, O. M. (2015). Viktor Pelevin i Velikij Lev: neizbezhnaya vstrecha = Victor Pelevin and the Great Leo: an inevitable meeting. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, no. 3, 74–79. (In Russ.)
10. Torchinov, E. A. (ed.) (2001). Traktat o probuzhdenii very v Mahayanu = A treatise on the awakening of faith in Mahayana. In Torchinov, E. A. (ed.) *Filosofiya kitajskogo buddizma = Philosophy of Chinese Buddhism*. Translated from Chinese by E. A. Torchinov. St. Petersburg: ABC classics. (In Russ.)
11. Torchinov, E. A. (2002a). Buddizm: Karmannyj slovar' = Buddhism: Pocket dictionary. Appendix P. V. Bersneva. St. Petersburg: Amphora. (In Russ.)
12. Simkina, V. S. (2019). Dekonstrukciya mifa o duhovnom puti L. Tolstogo v proze V. Pelevina = Deconstruction of the myth of the spiritual path of L. Tolstoy in V. Pelevin's prose. *Epic tradition in Russian literature of the XX–XXI centuries : materials of the XXIII Sheshukov Readings*, Moscow, February 01–02, 2018. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 138–144. (In Russ.)
13. Torchinov, E. A. (2002b). Filosofiya buddizma Mahayany = Philosophy of Mahayana Buddhism. St. Petersburg: Center "Petersburg Oriental Studies".(In Russ.)
14. Geshe Jampa Tinley. (2013). Buddijskaya logika: Kommentarij k traktatu Dharmakirti «Pramanavarttika» = Buddhist Logic: Commentary on the treatise of Dharmakirti "Pramanavarttika". Edited by I. S. Urbanaeva (ed.) and A. Yu. Konovalova. Novosibirsk: Publishing house "Je Tsongkhapa". (In Russ.)
15. Paribok, A. V. (tr.). (1989). Voprosy Milindy (Milindapan'ha) = Questions of Milinda (Milindapanha). Translated from Pali, research and commentary by A.V. Parib. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental Literature. (In Russ.)
16. Malikova, F. (tr.) (2016). Mandzhushrimitra. Iznachal'nyj opyt = Manjushrimitra. Initial experience. Translated from English by Farida Malikova. St. Petersburg: Uddiyana, Shang-Shung. (In Russ.)
17. Kirillina, O. M. (2014). Propoved' v iskusstve: Lev Tolstoj i Viktor Pelevin = Preaching in art: Leo Tolstoy and Victor Pelevin. *Art education and science*, no. 1, 105–110. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубаков Леонид Викторович

кандидат филологических наук
доцент факультета филологии Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне
<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubakov Leonid Viktorovich

PhD (Philology)
Associate Professor at the Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University
<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.11.2023
25.12.2023
10.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication